

ВЯТСКОЕ ВЕЧЕ КНЯЖИЧ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ВЛАДИМИР БОСИН

Владимир Босин
Вятское вече. Княжич

«Автор»

2023

Босин В. Г.

Вятское вече. Княжич / В. Г. Босин — «Автор», 2023

Третья книги трилогии "Вятское вече". Главный герой неожиданно оказался замешанным в европейские разборки, как на суше, так и на море.

© Босин В. Г., 2023

© Автор, 2023

Владимир Босин Вятское вече. Княжич

1

Вот мы уже неделю как отплыли от города Тано. Наш путь долог и к сожалению нам предстоит нудно подниматься против течения. А значить частенько садится за вёсла. График дня неизменен, встаём ещё затемно и оправившись садимся в лодку. На борту у нас имеется маленькая дровяная печка, на которой можно не только подогреть еду, но и приготовить свежую.

Дежурный согревает остатки с ужина и мы перекусываем на ходу. Если паруса висят как вонючая портянка и нет ветра, то десять человек садятся грести. Я тоже не чужаюсь этого занятия. На борту мало места и я предпочитаю разогнать кровушку греблей. Тем более к этому занятию я привычен. Мог бы и один грести парой вёсел, да не приспособлена лодка для этого.

Днём делали короткий привал, размять ноги и часа за полтора до заката искали подходящее для ночёвки местечко. Охотники уходили в поисках дичи, а мы обустривались. Пока готовился ужин, Фёдор занимался со мной фехтованием. Может мне кажется, но я немного адаптировался к этому занятию и иногда удаётся ускользнуть от удара учебным мечом.

Берега Дона в этом месте равнинные и видно далеко. Периодически к нам приглядываются степняки. Это один из улусов бывшей Золотой Орды, которая сгинула вместе с её ханами. Даже не возьмусь определить родовую принадлежность кочевников. Это потомки печенегов и половцев, также монголо-татары, кого тут только нет.

Но, если честно, я ожидал худшего. Никто не пытался нас обстреливать. Бенедетто подстраховался и взял с нами представителя местного властителя. Вот этот почтенный товарищ и разруливал все проблемы с местными. Типа светил ксивы от «папы» с грозными письменами. У него и в самом деле была медная табличка с разрешением на проезд. Пока это работало.

Видимо даже до степняков допёрло, что не стоит резать курицу, несущую тебе золотые яйца. Караваны и торговые пути обергались. Раз в два дня мы замечали остроги, возведённые для защиты купцов.

По мере удаления от моря берега реки стали более холмистые. Дон равнинная река, но имеет многочисленные ерики (рукава). Левый для нас берег высок и изрезан глубокими оврагами и балками.

Эти особенности рельефа заставляли нас держаться настороже. Постоянно дежурили лучники и наблюдатель.

На правах сподвижника хозяина экспедиции я порой присоединялся к нему на палубе и мы вели беседы под сладковатое вино. Я делился с ним нашими вятскими реалиями. Бенедетто же рассказывал о Ганзейском союзе и нюансах торговли с ними. Мне было очень интересно, особенно я интересовался северными землями данов и шведов. Ведь по легенде я оттуда родом.

Когда мы проходили участок реки, где Дон сближался с Итилем, я опознал этот путь. По нему меня везли к Азову.

– Бенедетто, это всего пятьдесят вёрст и мы попадём в большую реку. А оттуда рукой подать до Казани. По волоку доставят за пару дней до большой воды.

Но этот упёртый италяшка спит и видит попасть в Великий Новгород. Где-то я его понимаю, в Казань приплывают восточные купцы, которых он и у себя дома насмотрелся. А вот с севера приходят реже и закупочные цены на товары выше, чем в Новгороде – это понятно. Но ведь до Новгорода батюшки нам пилить и пилить.

Когда мы остановились у небольшой речушки Упа, ханский чиновник покинул нас и приняв подношение удалился.

Кормчий, он же наш лоцман уверяет, что по этой узкой речке мы дойдём до Оки – матушки.

Упа мелководная, но спокойная речка, несущая свои неторопливые воды по равнине. Берега густо поросли ивняком и мы прислушивались к непонятым звукам. Здесь легко нас перехватить, просто перестрелять. Поэтому подняли и укрепили вдоль бортов щиты и спрятались за ними, держа оружие в руках.

К счастью через два дня мы вывалились в Оку и сразу стало полегче. Во-первых спускались по течению, во-вторых река судоходная и полноводная, можно не опасаться стремнины или перекаатов. Берега лесистые, но попадаются и проплешины степи.

Вообще Донской путь уступает Днепровскому, но из варяг в греки ходили и здесь, о чём говорит довольно развитая инфраструктура. Вернее было бы сказать, что варяги не к грекам ходили, а в арабские земли, где разрабатывались серебряные и золотые рудники. В Европе было дикая нехватка драгметаллов, власти перечеканивали арабские монеты на свои.

Чем ближе мы к родным местам, тем больше я вспоминал о друзьях – товарищах, которые остались в имении. Что стало с моим домом и селом? Не разграбили ли лихие люди? Если раньше я не думал о том, кто причастен к моему похищению, если конечно это не произошло случайно – было не до того. То сейчас такие мысли стали приходить в голову.

Осень катится к зиме. Ночью вода у берега схватывается корочкой льда. Температура днём бодрящая и я частенько сгоняю гребца, погреться вместо него. А ночью чуть выше нуля по моим ощущениям. Поэтому мы торопимся успеть до холодов. Кормчий спокоен, уверяет, что время у нас есть.

Ока сменилась извилистой речкой Ловатью. Мы оставляем Москву сильно южнее и движемся на северо-запад. Ушлый генуэзец частенько требует пристать к берегу, где раскинулись поселения туземцев. Его помощник торгуется с местными и нам на борт закидывают мешки с лесными дарами. Взамен местные охотно берут керамику, украшения и недорогие металлические изделия. Торгаш делает свой гешефт. А наше дело бдить. Обязательно я или Фёдор проверяем в такие моменты нашу сторожу. Пара человек выдвинуты в сторону леса и наблюдают.

Не сказать, что всё было гладко. Была попытка перенять нас по утрам. Но дневальные упредили, услышав непонятное шебуршание в кустах и нам удалось отпугнуть разбойников.

Несколько раз мы вынуждены были разгружать судно и толкать его по волокам. Вернее мы охраняли, а предприимчивые людишки за невеликую денежку перевозили нашу лодку с помощью деревянных валиков по суше.

Тяжёлый путь близится к завершению, мы вывалились в немалое Ильмень – озеро. На противоположном берегу господин Великий Новгород. Остались часы до цели. Мы расслабились и чуть не поплатились за это. Шли, прижимаясь к правому берегу. Дул ровный ветерок и мы уже обсуждали приятные моменты, когда внезапный порыв ветра почти опрокинул наш струг. Несколько человек улетели в воду, пришлось лихорадочно рубить парус, иначе мы лодку перевернуло.

Вот же зараза, порыв был единичный. Мы болтаемся почти при полном штиле без паруса. Экипаж высматривает упавших за борт.

Из трёх человек удалось вытащить только одного, остальные как камень пошли ко дну.

К счастью эти были не из моей ватажки. Генуэзцы сидели в полном облачении и просто вес металла утянул их на дно.

Пока починили снасти, пока выгребали против ветра прошёл день и к Великому Новгороду подошли под занавес дня. Он раскинулся по обе стороны реки Волхов, верстах в пяти от озера Ильмень.

Да, впечатляет. Сравнить этот город с Хлыновым сложно. Это как Москва против Коломны. Сразу бросается в глаза мощные городские стены из камня.

Но первым делом поразила пристань, предназначенная для приёма одновременно десятков судов. Вот и сейчас она не пустует.

С палубы струга виден целый комплекс лабазов и амбаров для складирования любого товара. Дюжие грузчики перекачивали по сходням с соседнего судна тяжёлые бочки. Суета рабочего люда в порту не кончалась с выходом на площадь рынка. Мы с Бенедетто, сопровождаемые его помощником и двумя пехотинцами в полном вооружении, решили сходить на разведку. Фёдор остаётся за старшего на судне.

Как приятно находиться среди подобных тебе людей. Задолбали меня эти степняки с их налитыми кровью жадными глазками. И эти восточные хитромудрые рожи. То ли дело свой брат – православный. Я готов обнять их всех от накотивших эмоций. Правда толкнувший меня богато одетый мужчина напомнил о моём статусе. Я одет как наёмник, добротнo, но без роскоши. Поэтому пришлось проглотить готовившееся выскочить ругательство.

Не хватало сейчас очутиться на правиле местного начальства.

Этот рынок торгует в основном дарами моря. Рыбные ряды занимали большую часть его территории. Правда ввиду приближавшегося вечера продавцы сворачивались.

Так как я единственный мог объясняться с окружающими, то быстро выяснил, где лучше остановиться приличным господам.

Мальчонка, крутившийся под ногами согласился сопроводить нас к таверне.

А что, весьма привлекательное место. Судя по вывеске, здесь ориентируются на заморских купцов. Забавная картинка в виде рака в шляпе и с усами, а также надпись по-немецки «Gasthof». Это аналог нашей таверны, то есть места, где можно кинуть кости на ночлег и перекусить.

Зал наполовину полон, большая часть иноземцев, судя по немецкой речи, заполнившей эфир.

И почему я не удивлён?

Мой Бенедетто с помощником уже узрели знакомых и влились в чужую компанию.

Наша охрана устроилась в углу для слуг, а меня допустили в высшую лигу.

Через двадцать минут у меня разболелась голова от трескотни. Генуэзец активно жестикулировал руками, общаясь с товарищами.

Я же с удовольствием выпил чашу медовухи и накиннулся на мясные щи.

Как же я мечтал о жирных и наваристых щах с квашенной капусты. Мне снилось в плену, когда живот сводило от голода, как я размешиваю сметанный кружок и погружаю ложку в наваристую похлёбку.

Фух, аж пот пробил от усердия. Прикинув, я ограничился куском жаренного мяса. Душа требовала полёта, но я понимал, что от обжорства могут быть неприятности ближайшей ночью. Поэтому попрощавшись на едва кивнувшим в ответ итальянцем, поднялся на второй этаж. Там три кровати, я выбрал лучшую и с удовольствием раздевшись, положив рядом кинжал, закрыл глаза.

Отрубился практически сразу, только лёг и тут же под окном заорал петух. Я огляделся, оба итальянца беззастенчиво дрыхнут. А мне уже не уснуть, оделся и спустился вниз. Сонная баба вопросительно посмотрела на меня, – ежели покушать, то есть каша и мясные пироги. Со вчерась остались.

Есть мне не особо пока охота, но я заказал пирогов и вышел на улицу.

Какая благодать, морозная свежесть ноябрьского утра. Ледок прибил похрустывающую траву на лужайке под таверной. Скинув куртку, я остался в одной рубашке. Тело требовало движения и я хорошенько размялся под строгим взглядом цепного пса. Тот не понимал, что за чудик машет руками перед его будкой. Поэтому то порывался меня облаять, то, поджав хвост подползал познакомиться.

После завтрака горячим сбитнем и душистыми пирогами, начинёнными строганным мясом и овощами, этакое жаркое в тесте, я благодушно ожидал, когда проснутся мои спутники.

Те соизволили выползти, когда уже честной народ пару часов работал. Я смотрел, как Бенедетто ковырял ложкой блюдо с кашей. Не привык к такой пище. Ему зелень и нежное мясо ягнёнка подавай. Да под чару доброго вина.

Ну, звиняйте, нема ни того, ни другого. С утра тут подают жирную пищу, чай на севере живём, а не в южных краях. Здесь свои предпочтения.

Определившись, мы вышли на улицу. Потеплело и оттаял ледок, поэтому дорогу развезло. Мы выбирали путь почище, когда я отвёл товарищей к строению «двора святого Петра» или как его в простонародье называли – Немецкий двор. Там проживали иноземные купцы. Тут у них было своё самоуправление. Договорившись встретится тут же ближе к вечеру я быстро пошёл в порт.

Собственно, согласно заключённому ряду, моя работа закончена. Я охранял в дороге купца и его товар, привёл в конечную точку. Но ему нужно разобраться в ситуации с помощью своих знакомцев с Немецкого двора. Поэтому подожду, когда надобность в нас отпадёт. И главное, надо получить заработанную денежку. Двадцать два золотых дуката помогут мне добраться домой.

На судне меня ждали, – Ляксей, думал, что про нас сырых и убогих позабыли уже?

Фёдор засиделся на судне и сейчас прохаживается вдоль него по пристани, поглядывая на снующих под ногами рабочих.

Оставили на струге кормчего и четырёх генуэзских бойцов, ватажку я повёл на рынок. Девять вооружённых мордovorотов, целеустремлённо разрезавших толпу зевак, заставили последних податься в сторону. А лениво прогуливающиеся городские стражники подались в стороны, на всякий случай отворачивая глаза.

Мы же прошлись вдоль рядов, но учитывая, что народ голодный, они то перекусили только сухарями на лодке, мы направились к забегаловке под навесом.

Учитывая мои весьма скромные сбережения я мог потратить на всё – про всё только пару серебрушек. Поэтому мои были довольны пирогам с разнообразной начинкой и горячим сбитнем.

– Как думаешь, Ляксей, не обманет иноземец, не кинет нас с денежкой?

Подумав я ответствовал, – Не, не думаю. Зачем ему это? Он же собирается постоянно гонять лодку сюда, для этого и сбивает ватажку. Он кончено жадноватый, а где вы видели щедрого купчину? Но что подрядили, то уплатит. Не сомневайтесь.

Мужики, перекусив и гляючи на благостную картину русского торжища, заулыбались и стали рядить о дальнейшем. Насколько я понял, у них особых привязанностей нет и подрядиться к купцу будут рады. В принципе ряд они отработали, довели судно в целости. Теперь будут работать не только за еду, итальянец положит им денежное довольствие.

А у нас с Фёдором свои мысли. Мы ещё в дороге с ним о многом переговорили. Он свободный человек и вой. И мне кажется, что у него сидят занозой былые грешки.

– А знаешь, Ляксей. Я готов отправиться с тобой, рановато мне домой.

Я не совсем понял смысла последней фразы, но его согласие присоединиться ко мне несказанно обрадовало.

– Так ты не передумал? – Бенедетто стоит в тёплой накидке около меня.

– Нет, друг. Мне надо домой, дела есть не решённые.

Итальянец уговаривал меня остаться перезимовать в Новгороде, а по весне составить ему компанию. Он уже пристроил свой товар на складе и начал торговать. В замыслах у предприимчивого сеньора прикупить одно или два судна дополнительно к имеющемуся.

Расплатился он со мной честь по чести. Вычел из суммы три цехина, за раба и оружие. И это по-божески, реальная цена вдвое выше. Зброя знатная и у меня и у Фёдора. Обнявшись

мы расстались и я с напарником дружно зашагали в сторону Новгородского Кремля. Тот был окружён стеной из красного кирпича и даже отсюда был виден Софийский пятиглавый Собор.

2

На обзор города мы потратили накануне несколько дней, пока итальянец приводил свои дела в порядок. Город красив, огромное количество церквей, от княжеских торжественных до одноглавых купеческих. Много каменных домов, хотя конечно дерево и тут царствовало. Часто строили первый этаж каменный, а надстройку рубили из дерева.

На душе птицы поют, настроение великолепное. Фёдор с высоты своего опыта добродушно улыбается окружающим. Правда со стороны смотрится угрожающе, но я-то хорошо узнал своего спутника за эти два месяца.

А путь мы свой держим в дом моего старого знакомца. Не знаю, как примет, может позабыл уже.

Накануне от стражников узнал, где проживает Василий Тучин. Это первый боярин, попавшийся на моём пути. Он то меня с Григорием Ясовичем и познакомил.

На стук в мощные бревенчатый ворота сторож предложил нам пройти дальше по улице. Вспомнив про свой позабытый статус я громко заорал, – отворяй, собака, а то сейчас плетей отведает у меня.

Во, другое дело, мои знаки отличия приняты и привратник даже не обидевшись, распахнул калитку перед нами.

– А боярина Василия нету дома, в отъезде.

Вот чёрт, а я на него рассчитывал.

– Кто такие? – раздался голос от крыльца. Нам навстречу спускается дородные немолодой мужчина в сопровождении трёх вооружённых - холопов.

– Здрав буде боярин, – с достоинством слегка склонил в вежестве я голову.

– Хлыновский боярин Волков Алексей, вот решил навестить Василия, встречались мы с ним у нас на Вятке, звал в гости.

– А..., а Ваську я услап по делам, будет через седмицу другую. Да Вы проходите, – подобрел мужчина.

– А я стало быть папаша этого лоботряса, Панкрат Васильевич.

Нам предложили пройти в просторные хоромы. Назвать избой это сооружение невозможно. Просторные сени, где мы скинули верхнюю одежду и прошли в натопленную залу были поболее моей избы в селище.

– Ну, как там Хлынов, стоит ещё? – гулко заухал баском хозяин.

– Наверное, давненько не бывал.

– Как так? Небось в походе был?

Пришлось вкратце рассказать мужчине историю моих походов. Чувствуется отсутствие развлечений. Я мог бы уложиться в десять минут. Но меня постоянно перебивали и переспрашивали. И не заметно наша беседа перетекла в шикарный обед.

Хозяин только щёлкнул пальцами и потянулись слуги, накрывая стол.

Помните, какими яствами угощали проходимца Милославского и домоуправа Буншу за царским столом в фильме «Иван Васильевич меняет профессию». Чем-то напоминало по изобилию с нынешним столом. Почки заячьи верчёные, белорыбица и икра. Масса солений и дымящиеся пироги с дичиной.

Ну, и разумеется, без этого дела не обошлось. А когда хозяин застолья разговорился с Фёдором, который представился служивым боярином, и определил, что они вместе не однажды участвовали в различных битвах, то нам вынесли то, от чего я засмеялся.

– А что, Ляксея, не по нраву мой мёд?

– Да нет, что ты, Панкрат Васильевич. Просто знакомая бутылочка. Приходилось пробовать, очень понравилось.

Передо мной мой натурпродукт, самогонка, настоящая на бруснике, производства Маниного семейства.

Я не стал раскрывать секрет своей принадлежности к производству сего напитка, что не помешало сказать заздравницу и опрокинуть стопку грамм на сто тридцать в рот.

Вечером нас хорошеньких разнесли по комнатам, радушный хозяин не захотел отпускать на ночь глядя.

А утром мы слегка опохмелились остатками моей горилки, – я вам так скажу. Нечего таким парням по углам мыкаться. Дождётесь Ваську в доме. Он не простит мне, если вас отпущу.

Прикинув, мы согласились. Только сказали, что ходим забрать свои вещи.

Добрались до порта на санях, выделенных хозяином. С ребятами попрощались честь по чести, забрали свой немудрённый скарб, а главное брони и оружие. Всё это отправили с возчиком, а сами пошли пройтись по рынку.

Не тому, что у порта. Рыбная вонь лично мне мешала, поэтому на сей раз перебрались через реку по мосту и вышли к другому рынку. Здесь продавался товар поделикатнее. Оружейные лавки перемежались с лавками восточных купцов и торговцев с Севера.

Чёрт, глаза разбегаются, а денег не так много. У меня осталось восемнадцать дукатов и медная мелочь. А ведь нам нужно снарядить верховых лошадей. Я не собираюсь ждать весны. Выедем с Фёдором, как будем готовы.

Но пять серебрушек всё-таки здесь оставили, в дорогу необходимо кой-какая утварь и тёплая обувь.

Наша встреча с Василием вышла забавной.

– Кто такие? – Зычно крикнул парень, когда въехал во двор отчего дома в сопровождении дюжины дружинников.

Не узнал? Вроде только полтора года прошло. Или не хочет узнавать.

– Ах ты чертяка, Алёшка, – парень лихо спрыгнул на землю с жеребца и облапил меня.

– Как я тебя разыграл, поди решил что у Васьки с памятью не в ладах? Забудешь тебя как же, у кого ещё такая смешная морда.

Василий говорил немного грубовато, но грань не переходил, а главное чувствовалось, что мне действительно рад.

Вечером продолжилось застолье, только на сей раз за столом было много народу. Васькины побратимы и отцовские знакомцы.

А по душам удалось поговорить только на следующий день.

– Так ты хочешь одвуконь в Хлынов добраться? Не стоит, двое лёгкая добыча для любой шайки, або волчьей стаи или просто жадных купчишек.

– Лучше подожди меня пару седмиц и поедем вместе. Давно хотел побывать в ваших краях, посидеть за столом с Гришкой и Фёдором.

Как бы мне не хочется ждать столько времени, переживаю о своих. Но, наверное он прав, Фёдор тоже отговаривал недавно от поездки вдвоём.

Тем более, что Василий обещал дать лошадей.

Слава богу, что Панкрат Васильевич умотал из города по делам, а Васька занимался своими и приходил поздно. Иначе пришлось бы свою печень повесить просыхать на плетень. Мы с Фёдором набирали боевую форму, с утра подолгу махали острым железом. Мой спарринг-партнёр говорит, что от пьяного матроса я уже смогу отмахаться, если тому свяжут руки. И я воспринял это как признание очевидных успехов. Просто уровень Фёдора как мечника чрезвычайно высок, он большой мастер, подобных я ещё не встречал. А когда тот показывал мастер – класс с двумя парными мечами, я просто наслаждался, как цирковым чудом.

А когда я сменил партнёра, то понял, что с рядовым дружинником дерусь на равных. Это ежели по-джентельменски. А если как в бою, с подлыми ударами, зацепами и прочим, то тут я на высоте со своим борцовским прошлым.

Насколько я понял, до Хлынова огромное расстояние по местным меркам – почти 1200 вёрст. В среднем всадник делает 35–40 км в день. Итого почти сорок дней. Оказалось так, да не совсем.

Мы выехали целой кавалькадой в дюжину всадников и каждый одвуконь. То есть с запасными. Всеми дорожными заботами занят ближайший Васькин гридень. У нас с собой фураж и всё необходимое в дороге.

Первые два дня я терпел на силе воли. Когда основные лошади устали, мы только размяли ноги и пересели на запасных. В итоге в день проходили не менее 60 км. Причём на постой в деревнях останавливались дней через пять-шесть. Нужно же дать роздых и лошадям и людям. Народ привыкший к такой манере передвижения. Ни тебе поезда с самолётом, ни кроссовера с мягким тёплым сидением. Это ещё лошадьми, готовкой и охраной занимались Васькины гридни.

А вечерами мы развлекались, строя предположения, кому же я так помешал, что меня заказали людоловам. На мою отмашку, что де может случайно на меня вышли степняки Васька засмеялся:

– Тю на тебя, дурной. Да зачем ради тебя одного лезть льву в пасть, на чужую территорию. Тогда бы они под покровом ночи скрали бы твоих сельчан тоже. Всё навару больше. Нет, эти шли за тобой. Смотри, твоего товарища не пожалели, пристрелили, а к тебе отношение было другое. Видать заказчик захотел, чтобы ты подольше помучался в рабстве то.

Когда до Вятки осталось всего – ничего, я перестал мучаться этими вопросами. Но для себя решил, что объявляться мне дома рановато.

3

– Пахомка, живой курилка, – я схватил стройного юношу в объятия. Даже слеза выступила от того, как тот был мне рад.

Мы подошли к Хлынову и сняли помещение в таверне, что в посаде. Я специально отсиделся в комнате, чтобы не прознали раньше времени.

Первым делом послал разведчика к Ирине, разузнать о ней. Удалось спить сторожа в её доме. Нелюбопытный типус попался, но поведал, что любовничка у хозяйки вроде не имеется. Неожиданного богатства она тоже не приобрела. Наоборот с недавних пор зажимается с деньгами. Наверное приработок от нашей аферы накрылся с моим исчезновением медным тазом. Но пока объявляться не буду, понаблюдаю. Мечь – это блюдо, которое подают холодным. Для пригляда оставил мальчишку – подростка. Он будет наблюдать за домом женщины и его жителями. Но исходя из моей логики, Ирине не выгодно моё исчезновение.

Следующим на очереди оказался любезный Фома Андреевич Куратник, мой любезный соседущка. Вот он то более всех подозрителен.

Пахомка много порассказал об их житье-былье. После моего исчезновения, а кроме нас пострадавших не было. То есть Шуда с Пахомом и мой холоп нашли убитого товарища, а также следы волочений со следами крови. Он обрывался у реки.

Они сразу поняли что случилось. Но пока добежали до села, подняли народ и пустились вдогонку, похитителей и след простыл. Преследовали три дня на двух лодках, но далее много рукавов, опытные похитители исчезли.

Поначалу ждали сведений с требованиями выкупа. Прошло три месяца, суда перестали подходить к моей пристани в первый же месяц. Пару караванов прошло в город, затем чинуши прозрели и потребовали привычную мзду. Купцы и перестали сворачивать в нашу сторону.

А дальше проявил свою сущность наш сосед, поначалу стал сманивать моих новиков. И это ему удалось, парни то оказались не удел. А моё возвращение было под большим вопросом. Трифону с трудом удалось забрать выданное мною оружие. Ушли не все, из двадцати пяти человек осталось восемь. Вместе с моими старичками получилась чёртова дюжина. Плюс три охотника во главе с Шудой, эти даже не сомневались.

Дома стараниями моих ближников и Лукерьи всё неплохо. А вот в селе не так радостно и замечательно. Фома Андреевич стал сманивать моих смердов – арендаторов. Он нашёл общий язык со старостой моего села и теперь барщину вывезли по осени к нему. И часть смердов перебралась, прихватив выданный мною же инструмент.

Переварив полученную информацию я задавил желание вскочить на коня и лихим наскоком напомнить о себе, чем немало удивил Василия с Фёдором.

А вот втроём с Пахомом и Фёдором поздним вечером мы смотались к моему селу. У меня в укромном местечке прикопана кубышка с золотом. На чёрный день оставлял, вот он и настал. А денежка мне ой как сейчас пригодится.

Перво-наперво я наведалься к посаднику под покровом темноты. Пожалился ему на несправедливость и татьбу.

– Да, не хорошо. Продать потомственного дворянина в рабство – смертный грех. Что делать собираешься?

Я выпросил его содействие в проведении расследования. Собираюсь грамотно прищучить своего соседа. Тот немного нарушил писанные и неписанные законы. Помещик конечно мог сманить смердов к себе, но он прибрал и выданное им имущество, а также зажал барщину, на которую права не имел.

А мои боевые холопы, что ушли к нему, хотя вообще по ряду должны были отслужить на меня три года. А пока они ещё мои рядовичи. Прибрав их под своё крыло он стал вором. Ну ещё по мелочи там набежало. Потравил моим холопам посевы, его люди скрали несколько барашков из моего стада, вроде мелочи. Но ежели правильно подать, то выльется в приличную сумму супостату.

Я не пожалел поминок посаднику и чиновничьему люду. Только попросил сделать в тайне и побыстрее. Мне выделили служку из судного приказа, который быстро переписал мои претензии и пообещал подготовить бумаги для третьейского судьи. Я уважительно угостил его в кабаке и пообещал вознаграждение в случае успешного завершения дела. Но судебная машина нетороплива, её можно немного ускорить и направить в нужную сторону. Но в любом случае подождать придётся. Мне еще нужно видоков и послухов привести.

Не так просто торчать взаперти, я пока отсиживаюсь у Гришки. Печёнка и живот протестует против каждодневных посиделок. Поэтому выпросил лошадей и Григория, взял своих на охоту. Пахом привёз моего Шуду, встреча была очень трогательной. Немой вцепился в мой сапог и я не мог отцепиться. С трудом удалось поднять его и по-дружески обстучать спину. Шуда с Пахомом те люди, которым я абсолютно доверяю. Ну, почти полностью. Плен научил меня осторожности и недоверчивости.

Так вчетвером, взяв Фёдора Хромого, куда без него, мы выехали утречком пораньше в сторону, противоположную моему имению.

С Фёдором мне спокойнее, тот вроде дремлет в седле, но я знаю, что это обманчивое впечатление. Так же как и показная неуклюжесть. Федя не однажды удивлял своих противников, потому и жив до сих пор. А жизнь у него была весёлой, немного рассказал мне товарищ на досуге.

Служил он сотником в дружине тверского князя Бориса Александровича, участвовал в многочисленных битвах с участием тверичан.

Батюшка Фёдора был важным человеком, ближником великого князя и его сподвижником. После череды смертей тверских великих князей от страшного мора именно его Борис

Александрович оставил вместо себя на управлении княжеством, когда подался на службу к Великому князю Литовскому Витовту. Но возвышение боярина поспособствовало появлению влиятельных недругов и с возвращением князя они оговорили боярина. Князь с горяча кинул своего ближника в темницу, где тот неожиданно скончался.

Фёдор уверен, что батюшку отравили. Сам сотник не долго думал и собрался в бега, не успел. Определили враги, предал кто-то из челяди. Когда Фёдор вышел вечером во двор собственного дома, его оглушили и связав вывезли из города. Дальше его приключения не сильно отличаются от моих. Он попал к крымским татарам, затем на турецкую галеру, каким-то образом ухитрился бежать. Догнали, вкалывал на каменоломне у греков, опять бежал и в последствии попался мне на глаза.

Пока что дал мне слово, помогать мне в делах. При условии, что я тоже окажу ему помощь, когда потребуется.

Да, отвели душеньку, Шуда вывел нас к группе камней, где находилось солёное лакомство для парнокопытных – солонец. Выход каменной соли мы обнаружили по следам животных, вот и устроились в засаде, ожидаю добычу.

Лесной гигант с величественной короной рогов осторожно вышел из густого сосняка. Прислушавшись, зверь замер, позволяя нам рассмотреть мощное тело матёрого самца.

Шуда дал лосю полакомиться несколько минут, а потом выпустил пару стрел, больше не успел. Обе попали в район шеи.

При попадании лось просто взорвался вихрем снега и стартанул к зарослям. Но неожиданно лихо свистнул Фёдор. По мне, так зря. Теперь эта махина в полтонны развернулась и понеслась на нас. И даже высокий наст снега гиганту не помеха, расстояние в сотню метров он преодолел за мгновения.

Окровавленная морда, валящий пар и глаза налитые кровью – всё это оказалось перед нами. Я только неуклюже разворачивал своё копьё, как Фёдор сделал шаг вперёд и уперев конец охотничьей рогатины в землю встретил острием того в грудь. Крепкое древко выдержало удар и лось рухнул в метре от моего товарища, буквально нанизавшись на мощное кованное лезвие.

Фух, вот это экстрим. Ведь мы были в шаге от гибели. А Фёдор стоит, хоть бы что. Даже спорит с Шудой. Тот знаками показывает, что его стрелы серьёзно повредили жизненно важные органы зверя. А Фёдор ухмыляясь пытается вырезать наконечник, проникший глубоко в тушу.

Шуда профессионально снял шкуру и вырезал наиболее аппетитные куски, это вырезку, лосинные губы и рёбра с мякотью. Эта вылазка на природу меня взбодрила. Перед расставанием с Шудой и Пахомом запретил говорить обо мне, – слушайте и запоминайте, кто что будет говорить обо мне. Пахомка, можешь вспомнить обо мне при людях. Может кто и проговорится, может появится ниточка.

4

Месяц уже давно заявил о своих правах, наступила ночь, когда три тени переметнулись через небольшой заборчик частного дома. Соседская собака побрехала и заткнулась, будто никого и не было.

Я решил, что настало время побеседовать с моей управляющей. Информацию о ней собирал, но ничего говорящего о её участии в моём похищении не накопал. Это говорило о двух вещах. Или она не при делах, или очень хорошо замела следы. По крайней мере я не обнаружил, чтобы она сильно выиграла от моего исчезновения. Да, некая сумма моих дивидендов осталась у неё. Но денежный ручеёк быстро пересох.

Поэтому стоит потолковать с ней по душам.

На дело взял с собой Фёдора и ещё одного парнишку, Гришкиного спеца – домушника. Парень и провёл нас к нужному дому, перемахнув через хилый плетень мы оказались во дворе.

Никакой охраны, дверь тоже не долго сопротивлялась нашему напору. У входа споткнулись о ноги спящего мужичка, судя по амбре, он немного выпимши. Связали дядечку, засунув в рот тряпку. Дальше проверили комнаты одноэтажного дома. Пяток тёток разного возраста и пацан лет тринадцати тоже отправились досыпать в связанном виде.

Осталась хозяйская спальня. Извини подруга, ежели нарушу твой сон, но мне бы пошептаться.

Осторожно открыл дверь и скользнул внутрь. Слава богу одна, не хотелось этих семейных разборок с любовничком.

Зажёг светильник и осмотрелся. Здесь я впервые, средних размеров спаленка, в углу комод и столик со всякой бабской белибердой. Иконка в красном углу со скорбным ликом девы Марии. На стуле одежда. Женщина спит, отвернувшись к стене. Вернее спала, по дрогнувшей спине понял, что Ирина проснулась, но скрывает это.

Сев на край постели погладил бедро, укрытое тёплым одеялом.

Женщина развернулась и на меня смотрят огромные глаза.

Этот момент самый важный для меня. Потом она сообразит что сказать, как обмануть, а сейчас она растеряна и не ожидает меня увидеть.

Хм, вот те на. Не ожидал такого. В карих глазах гречанки сначала я увидел испуг, а потом узнавание и радость. Глаза наполнились слезами и она порывисто схватила мою руку и прижала к лицу. Чувствую влагу на своей ладони.

Нет, или я ни хрена не понимаю в людях, или она мне действительно рада. Я с трудом забрал свою руку и смотрю ей в глаза. Там что угодно, но не страх расплаты и не меркантильные мысли о том, как изменится её жизнь с моим объявлением. А затем женщина расплакалась.

– Шш, ну ты чего? – пришлось прижать к себе и успокаивающе погладить по вздрагивающим плечам.

Как-то незаметно, мне это дело понравилось, женщина со сна показалась мне удивительно соблазнительной. А её глаза многообещающими. Я, скинув одежду, нырнул в тёплое нутро постели. От ритмичного её скрипа наверное проснулись в соседних домах.

А опосля Ирина лежала у меня на плече и делилась наболевшим. Ну с нашими делами так и получилось. Только женщина добавила мне интересные сведения о не совсем добропорядочных чинушах, возжелавших пожить за мой счёт. Возьмём на заметку.

Домочадцев её я приказал освободить, а Фёдор остался со мной в доме. И по-моему не один, прихватил свободную девку в кровать.

– Твой Фома Андреевич заходил не раз, интересовался тобой и нашими делами. Думаю, что он разгадал, для чего разгружаются на нашей пристани суда с юга.

Я наслаждаюсь приятным теплом от женщины и сквозь дрему слушаю её.

Честно говоря сейчас думать о таком не хочется, поэтому я просто развернул её, прижался к мягкой заднице и обняв отплыл в страну Морфея.

А утром договорился с Ириной, чтобы она сообщила отцу о возобновлении наших отношений и подтвердил её полномочия в качестве своей управляющей. Заодно забрал записи, которые она вела по долгам моих арендаторов, смердов. Кто и сколько, это для судного приказа.

А когда у меня на руках оказалось положительное решение суда о том, что боярин Фома Андреевич Куратник задолжал приличную сумму боярину же Алексею Дмитриевичу Волкову, я решил действовать. Расписано всё, каждый гвоздик, украденный из моего хозяйства. А также пользование моими землями и лесными угодьями без разрешения. Сумма получил весьма внушительная, сто двадцать московских рублей серебром.

В одно прекрасное утро из ворот Хлынова выметнулась кавалькада всадников. Стражники проводили взглядами боевой отряд вооружённых воинов и закрыли главные ворота, оставив только калитку.

Кроме Фёдора и судебного тиуна, нас сопровождали мои побратимы, Василий, Гришка и Фёдор Отяев. Каждый со своей дружиной. Итого четыре дюжины всадников в полном боевом облачении.

Через короткое время этот боевой отряд достиг околицы моего села.

Я с тревогой всматриваюсь в знакомые строения.

Имение вроде как в порядке, даже вижу любопытного стража на стене. Вот только не признал его.

По главной улице ехали уже не торопясь, крестьяне высунув любопытные носы разбежались, домашняя птица с гоготом освободила нам дорогу.

К дому моего соседа подъехали уже степенно.

Ворота закрыты, но наши парни быстро подняли на уши всех домочадцев боярина.

А вот и он сам, важный в бобровой шубе, что накинул поверх домашнего. Всмотревшись в прибывших немного побледнел. Я бы и сам перетрухал от такого представительного отряда. Несколько важных бояр с дружиной, способной перемолоть приличный отряд степняков к примеру.

Я пока держался во второй линии и переговоры предоставил вести представителю власти. Хозяин по-первой попытался права качать, но потом вник, успокоился и пригласил в дом.

– Послушай Алексей, но я же хотел как лучше. Ну посуди сам, ты сгинул и не понятно, вернёшься ли. Наследников ты не удосужился оставить и твоё хозяйство через некоторое время прибрала бы городская казна. Они конечно по закону должны выждать годину, но на самом деле к нам зачастили всякие тёмные личности. Пришлось мне прикрывать твоё имение от преждевременного разорения.

– Так мне что, Фома Андреевич, тебе ещё в ножки поклониться? За то что моих смердов с моим же инструментом к себе сманил, что холопов моих, на которых ряд висит, перехватил и барщину у моих крестьян себе прибрал? Так получается?

Разговор сразу не получился, сосед оглушённый солидной суммой виры сразу начал качать права. А у меня прямо так руки и чешутся, посчитаться с ним по-свойски, по-хорошему, на кулаках.

Но не стал доводить разговор до крайности, расстались весьма недовольные друг другом.

А вечером я уже пировал в своём доме. Бравых дружинников раскидал по избам, распорядился, чтобы ставили на постой в те дома, хозяева которых перебежали к Фоме Андреевичу. Пусть кормят и поят этих прожорливых хлопцев, они за седмицу любого по миру пустят своим аппетитом.

А мы с боярами отмечали моё возвращение домой у меня в усадьбе. Не помню даже как до постели добрался. А вот проснулся неожиданно рано.

Как тихо вокруг и на душе легко, я наконец-то дома. Встал, оделся и прошелся по дому. Затем вышел на крыльцо. Пахнет свежим хлебом и пирогами, что испекла кухарка. Меня поприветствовал Макарий, мой начальник охраны. За ним бежит крупный щенок, который при виде меня завалился в снег и открыл для ласки пузо.

Поговорив с инвалидом моё настроение, и без того неплохое, стало праздничным. Вместе с Макарием обошёл своё имение, заглянул даже в людские избы. Вроде нормально люди устроены, нет бардака.

После завтрака я в сопровождении ближников и охраны прогулялся по селу. Зашёл в церковь, переговорил с батюшкой. Отец Ферапонт раскрутил меня на рассказ о житье-бытье. Пришлось вкратце поделиться с ним приключениями. Расстались неплохо, я даже дал обещание прийти на заутреню.

А вот староста что-то зашуган, сегодня я намерен пройти по своему селу, поговорить с народом, а староста будет меня сопровождать.

Через три часа решил, что хватит хождения в народ. В целом, смерды положительно ко мне относятся. Из деревеньки средних размеров получилось немалое село со своей церковью. У нас по осени даже дважды ярмарки провели, куда съехались не только народ с окрестных деревень, но и некоторые купцы. У нас же никаких налогов, только с продажи и за место. А это почти бесплатно в сравнении с городским рынком.

Поэтому крестьяне рады, что они проживают в таких условиях. Да и я не самый худший барин, зимой вон нуждающимся помогал, права первой ночи не требовал и на конюшне строптивых не порол пока ещё. Чего же более.

С трудом сплавил своих побратимов обратно, те на радостях на дармовщинку собрались месяц у меня куковать. Пришлось ограничиться загонной охотой на серых и парой попок. Потом выпер под предлогом срочных дел.

А они и в самом деле были. Сразу по отъезду заявился соседюшка с повинной. На сей раз он уже настроен на диалог. Ну и я не стал вставать в позу.

– Алексей, у меня нет таких деньжищ, да ещё в короткий срок отдать тебе никак не смогу. Давай думать, что делать.

Давай думать, думать всегда лучше, нежели браниться.

Рядились и так и эдак. Ну, заграбастанное он мне возвернёт. И смердов с инструментом и боевых холопов.

– Смотри, за осень я их натаскал, сейчас это уже не новики. Настоящие вои, я погонял изрядно, сам убедишься.

– Что касается смердов, то верну всех, ты не сомневайся. Всё, что прибрал по осени из барщины тоже сегодня же привезу. У меня всё записано.

Что – то не тянет Фома Андреевич на человека, который приложил руку к моему похищению. Нет гнильцы в нём, вижу опаску. Это да, ну после такого моего возвращения тот не знает, что от меня ждать.

А его слова я перепроверил, ездил в город и говорил с Ириной. Женщина подтвердила, что наезды со стороны чиновников городского самоуправления были. И она слышала, что Фома Андреевич приезжал в управу ругаться.

По здравому размышлению я не нашёл в его поступках чего-то такого.

Я бы и сам тоже начал прибирать бесхозное имущество, если бы оказался на его месте.

Поэтому нам удалось стукнуть по рукам. Я пообещал не взыскивать с него всю виру сполна. А тот вернёт мне скомунизденное.

А вот на вопрос, кто же меня так любит ответа по-прежнему нет.

Пришлось брать лист бумаги и переписывать всех, кто мог мне желать горя.

Но, для того, чтобы оттолкнуться от этого нужна информация. Поэтому я напряг всех толковых. Ходить среди народа и слушать, кто что бает. При этом подкидывать тему с моим исчезновением, типа – интересно, что же тогда случилось с барином.

5

Две седмицы прошли, а результатов нема. Я уже и денежку посулил немалую, но кроме всякой херни с крестьянской бытовухой – никакой полезной информацией.

Сработал мой личный информатор. Стешка за год вымахала и округлилась, стала похожа на барышню. Тем более я её всегда отличал и баловал. Эта малява спасла мне жизнь год назад, вот и сейчас не подкачала.

Вообще она меня немного достаёт, постоянно крутится около меня. Эта девчонка отличается смазливой внешностью, а учитывая её любознательный и непоседливый характер, она частенько попадала в различные неприятности. Но я имею к ней слабость и признаюсь, что душа радуется, слыша её радостный смех, когда я рассказываю ей всякие премудрости.

Плохо другое, девочка подросток внушила себе, что она может попасть на сладкое место моей личной челядницы. Ну, какой Мадина была. Помнится, Стеша не любила татарку, наверное ревновала.

Но я-то к девчужке отношусь как к ребёнку, а она пытается меня соблазнить. Со всей своей детской упрямой непосредственностью.

Вот я и малодушно избегаю оставаться с нею наедине.

И когда девчужка поскреблась ко мне в опочивальню, собрался её проучить.

Но, неожиданно та сообщила действительно важную информацию. Она раскрутила двенадцатилетнего сынка одной моей челядницы на нужную мне информацию. Малолетний воздыхатель как на духу раскололся перед юной девицей.

Оказывается, мальчонка по указанию матери частенько бегал в город. К своей бывшей хозяйке. К Глафире, я про неё даже думать забыл, отдал в хорошие руки и из головы вон. Вот и зря. А та про меня видимо не забыла.

Перед моим похищением малой дважды передавал записки бывшей боярской дочке.

Сразу же я велел Пахому с охранником привести ту женщину.

Я видел её, тётке лет сорок, одна воспитывает сына, мужёнок сгинул в то разбойничье нападение на купеческий обоз. Можно сказать – пал за хозяина, возможно даже от моей руки.

Когда женщину ввели в комнату, та сразу всё поняла и завывала, как раненная.

Она рухнула на пол, будто из неё вынули стержень. Пришлось успокоить даму, дать воды.

Та не отпиралась, поведала, что выполняла поручения бывшей хозяйки. Ту в последнее время интересовал мой график – где, куда и с кем.

Не думаю, что Глафира посвятила полностью тётку в свои планы. Но та могла бы и догадаться, что они направлены против её нынешнего господина. Но ко мне не пошла, предпочла не задумываться. А может за мужа имеет на меня зуб.

Я приказал поместить женщину с сынком под замок. А сам сел продумывать планы мести.

По-прежнему не хочу развешивания кровавых кишок бывшей барыни на заборе. Пусть всё будет деликатнее.

В городе я разузнал некие подробности жизни бывшей барыни. К моему удивлению, её мужёнок взялся за ум. Золотарь почти перестал напиваться в зюзю. Приходит домой после работы вовремя и даже не бьёт благоверную. Дом стал похож на нормальную избу, появился достаток. Надо отдать деде должное, она сумела подмять под себя немолодого алкаша. Подсыл разузнал, что Глафира некоторое время тому назад продала свои драгоценности, которые сумела вынести в одежде. Теперь стало понятно на какие шиши она наняла людоловов. По разговорам с её соседками стало понятно, что эта дамочка и есть причина моих неприятностей. Не сумела та удержаться от похвальбы, де сгубила обидчика. На будущее наука будет, не оставлять долгов.

Дальнейшее не потребовало много времени. Золотарь оказался весьма равнодушен к прелестям молодой жинки и даже ревновал её к молодым мужчинам. Небольшая театральная постановка и в середине рабочего дня мужик узнаёт от надёжного источника, что ему трудно будет вечером пройти в свой собственный дом. Не дадут ветвистые рога, которые ему организовала молодая похотливая жинка.

Заведённый нужным количеством низкопробного пойла, возмущённый муж пошёл домой, уличить любимую в измене.

На подходе он увидел, как из окна его супружеской спальни вылез молодой парнишка и, перемахнув через плетень, побёг вдоль улицы.

Факт измены на лицо, но подлая изменщица вместо лобызания ног и мольбы о прощении посмела накинуться с криками на достойного мастера.

Нежная душа мастера говна не выдержала позора и всё богатство эмоций вылилось в пару крепких ударов его вонючего черпака по её головушке. Силёнок не рассчитал и голова супруги лопнула как переспевший арбуз от удара.

Ну, погоревав, сей муж не нашёл лучшего способа скрыть преступление, как закинуть остывающее, раздетое догола, тело жены в бочку с дерьмом. Свою тележку он погнал за город, где и опростал ёмкость, вместе с телом.

А затем бедолага направил свои стопы в шинок, поправить здоровье и поделиться с такими же горемыками своими бедами.

Я же заплатив участникам представления обещанное вознаграждение закрыл для себя эту тему.

Для соседей, Глафиру муж усрал в дальнюю сторону к родственникам. Баста.

А вот ситуация со Степанидой продолжала накаляться. На радостях я одарил девчонку нашейной гривной, что по нынешнем временам приравнивается к ордену Героя страны. И тогда моя наперсница вообще возгордилась.

– Ляксей Митрич, так что Стешку берёте в личные челядницы? – это Лукерья пришла расставить точки над «и».

– Чего вдруг? С утра по-крайней мере не собирался.

Через две минуты после ухода моей экономки в покои ворвался мелкий вихрь и обдал меня влагой слёз. Не трудно догадаться даже свозь всхлипы и рыдания, что Степанида осталась недовольно моим решением. А язва – Лукерья передала мои слова в соответствующей манере.

– А я что.., я для Вас жизнь.. а она мне... – ну и всё в таком духе.

Не выдержав напора я прервал его единственным способом. Поднял лёгенькое тельце и поставил на лавку. Таким образом её глаза оказались напротив моих. Обняв девчушку и вытер её слёзки:

– Степанида, а ну хватит мокроту мне развозить. Хватит я сказал.

Дождавшись подходящего момента я уже менее строгим голосом продолжил, – Стешка, а зачем ты рвёшься на это место. Тебе не дают покоя лавры Мадины? А вот и зря, она плохо кончила.

С женщиной главное её удивить, сейчас на меня смотрят два хитрых и любопытных глаза.

– Стеша, ты молода для меня и мне нравятся другие женщины.

Хм, вот, это нормальная реакция подростка, – а какие тебе нравятся?

Вот что за жизнь, я понимаю, что сейчас в её возрасте уже выдают замуж. А когда кинет первую кровь, через несколько месяцев уже ходит брюхатая. Но мне от этой педофилии не по себе, противно. Поэтому девочку – подростка рассматриваю скорее как дочку.

– А нравятся мне взрослые, большие и толстые, как наша Макаровна.

Последняя – это кухарка и отличается сия достойная женщина обильным телосложением и покладистым характером. Хороший повар другим быть не может.

Глаза Стешки стали ещё больше, но плакать она более не собирается.

Мы помолчали, глядя друг на друга и наконец мелкая разродилась решительной фразой, – ну и ладно, но всё равно я хочу быть подле Вас. Дозвольте стать личной челядинкой, – опять затянула она старую песню.

Тьфу, чтоб тебе. Опустив малую на пол я задумался. Личная челядинка следит за одеждой и постелью господина. А также помогает ему привести себя в порядок. Для девчушки – сироты – это большая должность. Это пик карьерного роста. В принципе она верной службой заслужила особое отношение.

– Ладно, я скажу Лукерье. Но чтобы никаких глазок мне чтобы не строила более. Поняла?

Ну, вот, с радостным воплем, ещё ребёнок в душе и вполне себе барышня внешне, испарилась за дверь. Только слышен перестук её башмачков и счастливый голос.

А вот что делать с запертой помощницей Глафиры, ума не приложу.
С ней бы я решил быстро, пацана жалко, бойкий парень и не при делах совсем.
Пришлось звать её и говорить по душам.

Женщина собралась расстаться с жизнью, в глаза не смотрит, выглядит неважнецки и только талдычит, – барин, Христом богом прошу, Ваську не трогай, малец не причём. Это я старая дура виновата, не разобралась к чему Глашке моя помощь. Я же думала, что она повиниться хочет, прощения вымолить, а оно вона как получилось.

Вот погубит меня моё мягкосердечие.

Через два дня кавалькада из десятка всадников выметнулась на заснеженную гладь Вятки. Я взял с собой ближников и небольшую охрану. Митяй выехал на возке под охраной двух воев еще спозаранку. Двойку бы нагнали часа через три.

С Фёдором вырвались чуть вперёд и он имитировал нападение на меня конного. Грозно вращал саблей, мне приходилось прикрываться щитом и отмахиваться булавой. Моя секира конечно тоже со мной, приторочена сбоку. Но с коня ею орудовать несподручно, а вот булава в самый раз. Хорошо сбалансирована и если правильно попасть, гарантированно выносит противника из седла. Вот мы и изображаем из себя кавалеристов.

На ночёвку пришлось остановиться, возок нас задерживает.

В селе всё спокойно, тихий зимний день. Сельчане занимаются своими домашними делами. В моём доме сыровато и затхлый воздух. Пришлось разжигать печь, а пока народ возится, я отправился к моим самогонщикам.

Вот кто мне действительно рад, это Маня с супругом. До них дошли слухи о моём исчезновении и они рады убедиться, что слухи немного преувеличенны.

Мои напарники за осенний период выгнали всю самогонку, то есть разлили в произведённые бутылки. Вышло без малого почти четыре сотни бутылок. Наступившая зима, отсутствие новой тары и тревожные слухи заставили их затаиться.

Проверив товар я расплатился с ними на месте. Думаю, что золото Маня никогда не видала в своей жизни. Но заплатил, как договорились.

Заодно рассчитался с гончаром и сделал новый заказ на тару.

Со Степаном провели целый день, он забрал мою булаву и обещал что-то в ней улучшить, а заодно сделать более удобную рукоять у меча.

– Ну, Дуня, остаётесь с Васькой здесь. Это мой дом, будешь вести хозяйство. Деньги на обзаведение живностью оставляю. Если что, обращайся к старосте Драгану, он поможет. Всё, приеду к весне. А может раньше.

На этот раз я поторопился выскочить из дома, а то опять кинется в ноги.

Это было моё взвешенное решение. Женщину с сынком я определил в мой дом дальнего села. Здесь Дуне, да и Ваське будет поспокойнее. Там-то их затравили местные, а тут может ещё замуж выйдет за какого бобыля. Пусть бабе немного счастья и спокойствия выйдет. Да и за домом присмотр, Маня то перебралась давно уже к мужу, вот изба и стоит без жильцов, не порядок.

Пацана я познакомил с Семёновыми, пусть помогает на кузне, может мастер вырастит.

6

Рождество встречали в моём селище, к этому времени я восстановил своё былое положение, встретил как положено несколько караванов купцов с Казани и по опробованной схеме перевёз товар в город. Старые связи, подмазанные денежкой помогли без сучка и задоринки провести прежнюю комбинацию. Денежный ручеёк вновь навел мой позабытый, покрытый пылью кошель и приятный звон злата порадовал изголодавшийся слух.

Когда до меня дошли слухи о том, что небольшой отряд татарвы разорил несколько деревушек недалеко от дальнего села, то я первым записался в ополчение. Действовать нужно быстро, сердце кровью обливается, я переживаю за село. За Семёна с семейством, за Маню и прочих знакомцев.

Поэтому сборы были недолгими, на следующее утро большой отряд всадников в сто тридцать сабель вылетел из города. Я взял свою дружину в три десятка воев. Оставил только несколько дежурных на стены.

Когда мы после полудни проехали село и я увидел сторожащихся за жиденьким забором селян, моей радости не было предела. Значить не успели поганые добраться до сюда.

Староста Драган доложил, что недавно был посланник от соседей. Там заметили чужих. Но прошло полдня, а более новостей с тех краёв не было.

А когда мы уже собрались остановиться в селе на ночёвку, прискакал на взмыленной кобыле пацан. Еле успокоили, заикаясь поведал, что на село напали.

– Сколько конного ходу до тудова?

– Вёрст десять почитай, если поспешать, то за час будем там, – это Фёдор Отяев прикинул наши возможности.

У нас ушло два часа добраться до соседнего селища. Кони заморены, поэтому ехали не торопясь. Татары хозяйничают там уже несколько часов, значить худшее уже случилось, а добраться на усталых лошадях до места схватки не дело.

Хорошо, что у нас был проводник. К селу ведут две дороги, поэтому наш отряд разделился на две неравные части. Первые навалятся на неожиданного нападения врага. А мы обойдём село и нападём с тыла.

За несколько вёрст до села мы остановились, оправились и дали лошадям роздых. А потом наш отряд съехал на малоприметную дорожку.

С опушки леса мы наблюдаем за селом. Грабеж в той стадии, когда всех ненужных порубили, отсюда видно темнеющие на снегу трупы, полон согнан под охрану. А у разбойников самое сладкое время – грабёж и насилие. Сейчас татарва рассосалась по селу и зачищают избы. А бабы оставлены на второе.

Услышав нарастающий шум с противоположной стороны села и мы пришпорили коней. Первым делом перебили несколько человек, что охраняли небольшой табунок лошадей. Затем, разделившись на две группы, понеслись по улочкам села.

Несколько кривоногих степняков тащат барахло из одноглавой церкви. Выпростав булаву из чехла я обрушил её на мужичка, тащившего здоровенный медный чан. Его тыкву не спас меховой малахай. Степан поработал с моим оружием и подогнал булаву под мои антропометрические особенности. Он удлинил рукоять и оружие стало тяжелее на полкилограмма. Кузнец добавил шипастое навершие и теперь я получил смертельный аргумент против легкобронированного противника.

Булава стала моим основным оружием в конной схватке. Враги незаметно кончились и мы прочесали эту часть села. Нашли ещё с десятков сховавшихся в избах степняков.

На главной площади селища мы поучаствовали в финальной части схватки. Татар оказалось больше чем мы ожидали, почти в два раза превышали нас по количеству. Но сработал фактор неожиданности и настрой. Всё-таки они тати, а мы воюем за своих.

Немногим ранее, ещё не существовало понятие Отчизны. Родиной считали свой город, удел. Суздальцы не посчитали бы зазорным разорить рязанские деревеньки, а крестьян продать восточным купцам.

Но в последнее время московский царь прибрал удельных князьков к рукам, лишив их суверенитета. Ещё не звучало понятие русский и Русь, но религия уже препятствовала прежним обычаям. Тяжким преступлением стало считаться убийство или продажа в рабство православного единоверца. Конечно находились ватажки, которым законы не писаны, но их дея-

тельность находилась вне правового поля. С такими не церемонились и развешивали вдоль дорог на деревьях.

А вот степняки любого засола только разбоем и людоловством и занимались.

Сходить в набег, сжечь деревеньку, разграбить, убить стариков и пригнать полон – считалось проявлением доблести и способом улучшить материальное положение.

– Гриша, а чего басурман всех до одного положили? – спросил я у товарища, который с дружиной находился в первой группе.

Вместо ответ тот махнул рукой за спину.

Вот бляди, как таких земля носит. Степняки порубили стариков и младенцев, а заодно мужей, оказавших сопротивление. Остальных согнали на главную площадь. А когда мои побратимы с гиканием неожиданно напали на расслабленных грабителей и те поняли, что не выстоят, то они вырезали весь полон.

«Так не доставайся же ты никому», поэтому пленных почти не было. Кроме тех пастушков, которых мы повязали в начале сражения.

Через полчаса у нас была вся информация – кто, сколько и откуда.

В налёт пошло почти три сотни всадников из одного из улусов Казанского ханства. Обычное дело, один из сыновей местного князька решил отметить совершеннолетие и отправился с папиными нукерами в налёт.

Разговорившихся мы крепко попытали, а опосля прирезали.

До глубокой ночи пришлось копать братскую могилу для жителей села. А по утру мы отправили несколько человек, которые погнали домой по санному пути немалый табун татарских лошадок, а также несколько возов со скарбом и оружием. Не оставлять же на разграбление.

А сами после плотного завтрака тронулись в путь. До нужного места два дня хода. Первый день ехали, выслав вперёд разведку. Переночевали и на второй день продолжили. Но на сей раз мы сторожились, находимся на вражеской территории, поэтому соблюдали максимальную осторожность.

До татарского села не доехали версты три и стали на ночёвку, выслав дозорных по периметру.

Не знаю, каким боком татары прознали про нас, но когда рано утром солнышко только подкрасило небо, мы подъехали к селу, нас ждали.

– Ну, братья, что будем делать? Неужели придётся возвратиться?

Мы молча прикидывали все за и против. Нас ожидают, причём врага как бы не поболее нашего будет и они знают местность и будут защищать свои дома.

– Но, как же не охота возвращаться, не солоно хлебавши. Неужели не отомстим за безвинно убиенных? – это у меня произвольно вырвалось.

Товарищи согласны, но у них хватает опыта понять, что половину наших положат их лучники на подходе, остальных добьют разогнавшиеся всадники.

Надо что-то решать, мы рискуем потерять инициативу.

На моё предложение братья почесали репы, но отвергать с ходу мою идею не стали.

Татары соорудили из телег вагенбург, перед препятствием застыли пешие воины, а сзади лучники. Там больше пацанов и женщин, видимо сказался уход большей части мужчин в налёт. Но с луками они добре умеют обращаться.

Моя дружина прикрывшись щитами и ошетилившись копьями выдвинулась вперёд. Вскоре на нас начали сыпаться стрелы, но мои ребята неплохо защищены, я потратил на это в своё время большие деньги. Поэтому пока раненных нет, мы только теснее сплотились. Вот до первого ряда обороняющихся осталось метров тридцать, ещё несколько метров и тяжело бронированная черепаха внезапно раскрылась, во врага полетели снаряды и щиты опять сомкну-

лись. По моей команде черепаха присела, став на колено как единый организм. Сказали частые тренировки, когда мы с Фёдором отрабатывали различные построения.

Раз, два, три – и серия взрывов разметали ряды врага, раздались вопли и стоны. Дым заволок происходящее впереди, а когда он развеялся, перед нами предстала сюрреалистическая картина. Лежащие тела, оторванные конечности, кишки, вываленные на снегу и разброшенные взрывом телеги.

Новая команда и черепаха сноровисто подбежала к ограждению, мы начали перепрыгивать через препятствия. Здесь раненых почти нет, но есть контуженные. Мы торопливо рубим мотавших головами врагов, не щадили молодняк и женщин. Раз в руки оружие взял – значит не мирный селянин.

Каждый удар моей секирой выносил кого-либо из врагов из списка живых.

А вот дальше нашёлся у врага некто, кто попытался организовать сопротивление. Но поздно, сзади нарастает шум. Это наши разгоняются, конники втянулись в проход между ограждением и понеслись на стоявших перед жильём татар.

Это просто чудо, почти все целы, незначительные порезы не в счёт. Погибших сегодня всего пять человек. А село захвачено, сейчас начинается самое приятно. Наш час настал, парни обшаривают избы и тащат на площадь всё мало-мальски ценное. В этом плане мы не отличаемся от татар. Правда стариков не стали трогать, бросим. Они всё равно не выживут. Мы не собираемся оставлять ни одного целого строения, всё под огонь. Это кровная месть.

Сопrotивляющихся порубили, баб и подростков согнали в кучу. Опытные мужики сноровисто увязывают скарб и грузят в сани. Назад пойдём гружённые.

Несмотря на то, что мои гранаты наделали сегодня делов, я не чувствую угрызений совести. Наоборот, с меня свалился груз, который мучал всё это время после возвращения домой. Меня тяготили воспоминания о том, как со мной обращались степняки и сейчас я немного отыгрался. Стало легче, ушёл некий комплекс пленника.

Это ещё счастье, что я вспомнил про сумку с десятком гранад, оставшихся от того ледового побоища. После того случая среди моих селян поползли слухи, один страшнее другого.

И что в моих подозрительных снарядах заключена дьявольская сила, что слуги сатаны вырвались наружу и пожрали православных. Вспомнили и моё чудо – палку, изрыгающую огонь.

И только своевременное вмешательство отца Ферапонта спасло меня от обвинений в сношениях с нечистым.

А попу я показал, как горит порох и что бывает, если его силу заключить в сосуд. Мне пришлось оправдываться и вносить внеочередную немалую сумму пожертвования на нужды нашего храма.

С тех пор я завязал с огнём, остались только жалкие десять бомбочек, но без них закончилось бы бедой. Мы попытались откусить кусок не по зубам. Может село и взяли бы, но большую часть дружины оставили бы здесь.

На сей раз я не отказался опять выбрать лошадок, Назиру для разведения. А также домашнюю утварь и молодняк до десяти лет. Тех, что постарше, уже не приучишь, я этих раздам по семьям. Крестьяне охотно берут помощников.

Из бабского полона никого не смог выбрать. Эти видать другой породы, лица плоские с глазами щелочками. Никого близко похожего на Мадину. Отобрал только несколько женщин среднего возраста для работы по дому, хозяйство то у меня растёт, дружину надо кормить и обстирывать. Живностью оброс опять – таки, нужны помощницы.

К концу зимы я посвятил двух своих дружинников в боярские дети. Трифона и Юргаса – литвина. Это произошло с подачи Фёдора, свита играет короля, так можно перефразировать его мысль:

– Ляксей, тебе нужна свита, негоже, что потомственный боярин и даже княжич не имеет своего окружения.

Интересно, можно попробовать, к тому же есть у меня пара претендентов. Когда судьба закинула меня к берегам Азова и к моему имению начали подбираться волки о двух ногах, именно Трифон и Юргас не допустили растаскивания хозяйского имущества. Опираясь на свой авторитет они сцементировали оставшихся защитников. А это более полутора десятков вооружённых гридей.

Переварив эту мысль я согласился и провёл церемонию испоместить их на вотчинах.

Ну, у меня нет лишних пары деревенок, чтобы наделить новоявленных детей боярских, зато я выделил им по улице с несколькими дворами каждая. Отдавал с расчётом, что те будут прирастать людишками, благо есть куда расти.

И я понял, что поступил правильно, когда остальная старшая дружина забегала. Теперь с их стороны наблюдается полная поддержка любого моего начинания. То же поди не против того, чтобы подняться в статусе.

7

А по весне Фёдор засобирался на родину. Всю зиму он через купцов с кем-то сноился и сейчас выкатил мне сию новость.

Ужасно не хочется с ним расставаться, Фёдор стал мне другом. И дело не только в том, что он натаскивает меня на владение различным оружием, которым сам владел виртуозно. И даже не в том, что с ним надёжно. Если он чуть позади меня, можно за тылы не переживать.

От тверичанина я узнал много о современной жизни сильных мира сего. Это сторона для меня прежде являлась тайной. В нашем Хлынове князьями и не пахло. Были служивые князья, но владетельных я даже издалека не видал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.